

ЭТНИЧЕСКИЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННЫХ ОСЕТИН В ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Хадикова А.Х.¹

¹ФГУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-Алания, Владикавказ, Россия (362040, г. Владикавказ, Пр. Мира 10); e-mail: khadikova@mail.ru

В статье на основе исследований, проведенных по психологическим методикам, представлен историко-этнологический аспект этнического самосознания северных и южных осетин и особенностей этнической самоидентификации. Различные условия природопользования хозяйственно-культурные типы, разные культурные воздействия в целом предопределили некие несовпадения этнических ценностей, но лишь на уровне динамической, т.е. изменчивой части этнического сознания. Основные же ценностные ориентации осетин, разделенных уже не первое столетие, практически не отличаются. Ценности, их иерархия и способы символизации восходят к базовому культурному фонду народа и являются значимыми факторами этнической самоидентификации и северных, и южных осетин. Этническое (впоследствии национальное) самосознание нарабатывается в течение весьма длительного времени. Являясь обобщенным отображением всей этнической истории народа и всех компонентов, его образующих, этническое самосознание обретает известную самостоятельность и может в полной мере сохраняться в случае длительной разделенной жизни народа.

Ключевые слова: этничность, разделенные народы, культурная преемственность, иерархия этнических ценностей, этническое сознание.

ANTIQUÉ PHENOMENON OF THE DIVIDED OSSETIAN PEOPLE: THE SOURCES AND THE FACTORS OF A SEPARATED

Hadikova A.H.¹

¹Federal State Institution of Science "North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Researches after V. Abaev" Science Center of Vladikavkaz of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Mira avenue, 10); e-mail: khadikova@mail.ru

The article deals with the historic and ethnological aspect of the ethnic self-consciousness- and ethnic self-identification of North and South Ossetians on the basis of researches carried out with the help of psychological methods. Different conditions of nature management, household cultural types, cultural influences predetermined certain discrepancy of ethnic values though only in the level of dynamic, i.e. changeable part of ethnic consciousness. However the basic value orientations of the separated Ossetians almost do not differ. Values, their hierarchy, means of their symbolization go back to the people's cultural fund and are significant factors of North and South Ossetian's ethnic self-identification. The ethnic (later national) identity works enough for a very long time. Being a generalization of the entire ethnic history of the people and all the components of its generators, ethnic identity acquires a certain independence, and can be fully maintained in the event of continued division of the people.

Keywords: ethnicity, the divided people, national mentality, cultural continuity, hierarchy of ethnic values, ethnic consciousness.

Введение

В статье на основе историко-этнологических изысканий, проведенных в Северной и Южной Осетии, исследуются особенности социокультурного воспроизводства феномена этничности современных осетин с учетом фактора их многовековой разделенности. Использовались методы массового опроса и интервьюирования, непосредственного наблюдения.

Присутствие осетин в этносфере Кавказа характеризуется рядом примечательных особенностей:

1. Осетины являются разделенным народом уже не первое столетие. Это существенно отличает их от других подобных этнических образований Северного Кавказа – чеченцев, лезгин и прочих народов, принявших разделенный статус вследствие неоднократных административных переделов территорий Северного Кавказа уже как российского региона.

Когда практика разделенного проживания не столь уж значительна, народы в полном объеме сохраняют тот совместный опыт, который создает непрерывный социокультурный фон их общей этнической истории. В дальнейшем он является реальным ресурсом для воссоединения различных частей этноса в единую общность. У осетин подобный опыт достаточно отдален хронологически, и влияние его на современный порядок дел ограничено целым рядом объективных обстоятельств этнического воспроизводства.

2. Северные и южные осетины проживают несколько в различных условиях природопользования. Отсюда происходят ощутимые различия в комплексе жизнеобеспечения, как и самой социоэкономической культуре северных и южных осетин, их навыков и практик. Необходимо также брать в расчет разное этническое окружение и несовпадающий событийный фон их исторического и политического развития. Это спроецировало некие различия в общественном и семейном быту, поведенческих нормах, особенностях обыденного сознания, воплощающих несколько различные жизненные установки. Элементы народного этикета, обрядовой культуры и прочих форм актуализации традиционного мировоззрения и системы ценностей северных осетин (аскетичных горцев) не были абсолютно тождественны ценностям южных осетин, подвергавшихся длительному и разностороннему воздействию изобильной земледельческой Грузии.

3. Осетины не являются народом с единой религиозной идентичностью. Несмотря на то что большинство из них считают себя христианами (главным образом православного толка, но есть и протестанты), среди молодежи усиливаются влияния ислама, а также традиционных национальных вероисповеданий, все более актуальным становится личный выбор между ними. Такая ситуация явно не способствует восстановлению единого духовного пространства, столь необходимого для внутриэтнической консолидации.

4. Некая специфика связана с индоевропейским, а не кавказским происхождением осетин. Известно, что духовно-нравственные факторы этничности любого народа своими корнями уходят в глубокую архаику – культуруобразующую этническую ментальность, исторически им унаследованную. Национальная культура осетин, включая этническую ментальность, хранит древнейшие, подчас реликтовые индоевропейские мировоззренческие

характеристики. В то же время осетины являются полнокровными носителями кавказской культурной традиции.

5. Вполне уместно предположение, что наличие собственной государственности (пусть даже в средневековом прошлом) позитивным образом сказывается на социальной мобильности осетин, их готовности к интеграционным процессам на Кавказе и в России в целом, а также в более широких глобализационных тенденциях.

6. В последние два десятилетия осетины неоднократно переживали трагические события, которые травмировали общество и могли вызвать серьезный кризис духа [5].

В эпоху глобализации многие народы, руководимые собственными элитами, нередко встают на путь все большей изоляции, механизмы национальной идентичности могут актуализировать процессы противопоставления между этносами, даже живущими в одном историко-культурном регионе. Противостояние глобализации подчас ощущается ими как необходимость отторжения «западных» ценностей, и зачастую оно может принимать формы этнической и конфессиональной солидарности.

Осетины вовлечены в российские процессы глобализации – в интернационализацию и унифицирование ее населения. В то же время и в Южной, и в Северной Осетии на уровне интеллектуальных обобщений и не только осознаются потребности в культурном и духовном возрождении, как и в перспективе внутриэтнической консолидации. Присутствует понимание того, что факт разделенности народа не усиливает его позиций и статуса в поле новой политики и экономики. При этом ничуть не снижающийся фон межнациональной и конфессиональной толерантности осетин не рассматривается ими как угроза воспроизводству собственной этничности. Такое положение сохранялось даже в критические периоды истории народа.

Достаточно показательны в этом смысле выводы, сделанные профессором Университета Хоккайдо Кимитакой Мацузато при его посещении Южной Осетии в 2010 г.:

1. Несмотря на тяжесть первой осетинской войны 1991-1992 гг., в Осетии не появилось господства бывших полевых командиров, которое имело место в Нагорном Карабахе. Как можно объяснить гражданский характер югоосетинской политики? Сам он объясняет это своим вторым тезисом:

2. Если сравнивать два непризнанных (Приднестровье и Нагорный Карабах) и два частично признанных – Южная Осетия и Абхазия – государства, то можно наблюдать следующую закономерность. Если у населения есть этническое разнообразие, то там больше возможностей для политического плюрализма, и политика бывает не клановой, а программной [1].

Опыт разделенной жизни осетинского этноса оказался достаточно долгим для того, чтобы различные его части претерпели вполне ощутимые изменения в системе ценностей, в жизненных приоритетах, авгостереотипах и пр. [3].

Необходимо учесть, что народ оказался разделен не только административно-территориальными, но еще и естественно-географическими границами. Вследствие этого северная и южная отрасли одного народа более контактировали каждая со своими соседями, нежели друг с другом – Кавказ вообще является зоной углубленного взаимовлияния культур. Вследствие целого ряда объективных причин произошла достаточно весомая аккультурация осетин поколениями, проживавших во внутренних районах Грузии. Оказавшись в роли вынужденных переселенцев, они не сразу адаптировались к новым обстоятельствам. Отметим, что нелегкой была взаимоадаптация обеих сторон.

Отчетливая разница в системах ценностей северных и южных осетин ранее других критериев проявилась в области социоэкономических навыков. В частности, беженцы из внутренних районов Грузии, оказавшись во Владикавказе, освоили торговлю – занятие, традиционно презираемое северными осетинами. У них негативная оценка подобного занятия инерционно сохранялась во всей своей действенной силе вплоть до начала 21 века. У мигрантов с юга сложился именно тот тип субэтнического предпринимательства, который был однозначно и активно порицаем принимающей стороной, т.е. севером.

Как известно, народы и в более экстремальных потерях этнических индикаторов – общей, «своей» территории, языка и даже культурных традиций – могут оставаться живыми при условии сохранения главного – эмоционально окрашенного образа этнического «мы», т.е. этнического самосознания. Чаще всего оно отталкивается от индивидуальной этнической идентичности и, как правило, характеризуется позитивной причастностью к единому целому.

Осетины лояльно воспринимают возможность идентификации с культурой международного сообщества. Но вместе с тем для них характерны ценностные ориентации, фиксированные на собственных традициях, на некоем этническом романтизме – героике общих мифологических прародителей. Не будет большим преувеличением утверждение, что ядром идеологической внутриэтнической идентичности осетин (как и статистической части их этнического сознания) во многом является тоска по былому величию предков. Отчасти именно этой сенситивной составляющей частью этнического сознания объясняется приемлемая степень консолидированности разделенного народа, не имеющего даже общей этнонимии. У осетин присутствует достаточно сложная иерархическая структура самых разноуровневых идентичностей – ушельных, субэтнических, этнических, метаэтнических. Причем последняя также неоднозначна. Одновременно она может воплощать причастность и к кавказской, и к европейской культурам.

Для осетин не характерно пристрастное отношение к своей этничности и фиксация на собственном этносе, они лояльны также и в отношении заключения межнациональных браков. Несколько в большей степени это касается северной части, поскольку югоосетинское население за свою историю пережило несколько волн этнических претеснений, результатом чего стало вполне естественное более обостренное отношение к факторам собственной этничности.

Как уже указывалось, у осетин отсутствует вероисповедальная общность, но есть вполне объективное сходство – в моральных дилеммах ориентироваться не столько на религию, сколько на традиционный морально-этический кодекс «Æгъдау». Он является архаическим, но пока еще не вполне забытым содержанием нравственного самосознания осетин и, что очень важно, в равной степени северных и южных.

Существенно, что при всей склонности осетин к привнесенным именам (христианским, мусульманским, грузинским, кабардинским и пр.) собственный антропонимический фонд не только не оскудевает, но даже пополняется (преимущественно в Южной Осетии) за счет намеренного возвращения в житейский оборот давно забытых имен своих североиранских предков.

В сравнении с северокавказским (исламским) окружением осетины более других тяготеют к западным моделям поведения. В то же время все еще действенны этнические стереотипы – гендерные, межвозрастные и пр. Более того, они оцениваются как эталонные, образцовые, а значит, не повседневные. Их придерживаются в событиях, актуализирующих традиционные нормы внутриэтнической коммуникации – народных праздниках, обрядах семейного круга и т.д.

При целенаправленном исследовании феномена этничности осетин проявляется достаточно неординарная ситуация, когда этнос, разделенный и не имеющий единого духовного поля (если понимать под ним какую-либо одну конфессию), не характеризующийся лингвистической, хозяйственно-экономической, обрядовой и ценностно-ориентационной непрерывностью, не демонстрирует сколь-нибудь отчетливых предпосылок к распаду единой этничности. Напротив, складываются тенденции внутриэтнической консолидации.

Новые поколения и северных, и южных осетин социализируются в единой знаковой системе и культурной символике своей этнической общности. Более того, фактором инновационного развития этноса является явно наметившаяся перспектива выявления и брендинга общего историко-культурного наследия [2].

Как известно, в этническом сознании отражены все элементы этнической реальности. Самоидентификация и этническое сознание – понятия однопорядковые, но не

тождественные: самосознание – результат более широкой идентификации и включает в себя еще и иные формы самоидентификации [4]. Основная функция этнического сознания не только внутриэтническое уподобление, но и интеграция на основе общих этнокультурных ценностей, а также самосохранение народа, воспроизводство культуры, ментальности, т.е. этничности в целом. Базовые, подчас архаичные, культурные ценности, составляющие основной фонд статистической части этнического сознания осетин, современные способы их символизации оказались вполне мощным ресурсом сохранения единой этничности народа, разделенного уже не одно столетие. Социальные архетипы ранних осетин – ирон фатк (осетинские устои) – неожиданно оказались все еще престижными народными идеалами. Уже не влияя в значительной степени на поступковую мотивацию современных осетин, они все еще с успехом репродуцируют духовные основы их единой этничности.

Примечательно, что этническое сознание южных осетин отражает бóльшую динамику и содержит так сказать «национальную идею». Если рассматривать ее как некий «проект» – отражение долговременных интересов деятельности и поведения народа, то понятно, что на каком-то этапе национальной идеей может стать определение своего политико-правового статуса, борьба за свободное развитие, сохранение культурного своеобразия.

Не секрет, что осетины, проживающие в Южной Осетии, более консолидированы, чем те, что живут в Северной. Языковая ситуация на Юге благополучней в том смысле, что осетин, не владеющих родным языком там нет (в Северной же Осетии таких достаточно). Разумеется, этому способствовало то, что южным осетинам долгое время приходилось сопротивляться национальному подавлению, северные осетины подобного опыта не переживали.

Отсутствие полного совпадения в их этническом самосознании объясняется тем, что, как указывалось, совместного этноисторического опыта северных и южных осетин со времен разделения практически не существовало. Однако события августа 2008 г. в Южной Осетии (грузинская военная агрессия) на практике оправдали весьма важный теоретический аспект – этническое самосознание разделенных народов может достаточно долго пребывать в латентном состоянии – «дремать», но быстро «проснуться» – легко проявиться в определенных условиях и охватить значительные массы людей. Этническое самосознание имеет собственный потенциал, не всегда зависящий от субъективных индивидуальных оценок его носителей.

Этническое (впоследствии национальное) самосознание нарабатывается в течение весьма длительного времени. Являясь обобщенным отображением всей этнической истории народа и всех компонентов, его образующих, этническое самосознание обретает известную

самостоятельность и может в полной мере сохраняться в случае длительной разделенной жизни народа.

Список литературы

1. Интервью г. Мацузато Иналу Плиеву // Информационное агентство РЕС 31.12.10 –URL: <http://cominf.org/node/1166485714>. (дата обращения: 02.10.2013).
2. Канукова З.В. Этнокультурный символ как фактор инновационного развития // Инновационная стратегия РЮО: экономический, социокультурный и медико-биологический аспекты. – Владикавказ.: ЮМИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2010. – С.272-275
3. Хадикова А.Х. Ценностные ориентации как аспект этнической идентичности северных и южных осетин // Проблемы всеобщей истории: сб. науч. тр; [под ред. Б.Г. Койбаева]. Владикавказ, 2011. – С.236-243.
4. Хотинец В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // Социологические исследования. - № 9. – 1999. – С.67-75.
5. Чибиров Л.А. Этническая культура осетин: традиции и инновации // Инновационная стратегия РЮО: экономический, социокультурный и медико-биологический аспекты. – Владикавказ.: ЮМИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2010. – С.309-318

Рецензенты:

Канукова З.В., д.и.н., профессор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г.Владикавказ.

Чибиров Л.А., д.и.н., зав. отделом этнологии ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г.Владикавказ.